

УДК 347

В статье рассматривается ряд тенденций гражданской активности российского общества, ее актуальные формы, влияние гендерного фактора, варианты правового воздействия на ситуацию.

Ключевые слова: формы гражданской активности россиян, институты гражданского общества, гендерный фактор, правовое воздействие.

The article discusses a number of trends of civic activism in the modern Russian society. The authors describe current forms of civil activism, evaluate the influence of gender and legislation on them.

Key words: forms of civic activism in Russia, institutions of civil society, gender factor, legal effect.

Е. А. Исаева, А. В. Соколов, Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: nani@uniyar.ac.ru

E-mail: elenia2000@mail.ru

E-mail: alex8119@mail.ru

О тенденциях гражданской активности: благодаря и вопреки праву*

Научная статья

E. A. Isaeva, A. V. Sokolov, N. N. Tarusina

P. G. Demidov Yaroslavl State University

E-mail: nani@uniyar.ac.ru

E-mail: elenia2000@mail.ru

E-mail: alex8119@mail.ru

On Trends of Civic Engagement: a Long of and Regardless of Law

Scientific article

В европейской и американской доктрине и практической политике преимущественно опираются на констатацию того, что индексы различных аспектов российской демократии, включая факторы политической и гражданской активности в целом, ее обеспечение со стороны государственных институтов, диалог власти и общества, формы общественного контроля первой по различным международным оценкам находятся в пространстве достаточно низких величин [1]. Разумеется, эти оценки могут оспариваться (в определенной мере и должны оспариваться) как политически ангажированные, не учитывающие особенности российского менталитета, навязывающие в качестве универсальных идеи западного представления о должном в контексте гражданских, в том числе

политических, прав и свобод – в противовес многомерности позиций по данному вопросу.

Однако картина дрейфа российских политических и общественных институтов в сторону от тех или иных канонов демократии, к сожалению, все же вырисовывается, хотя социологические и юридические «мазки» на ее полотне и не отличаются однородностью фактуры, а впечатление – очевидностью стиля: наряду с усилением авторитарных начал государственных институтов, некоторым расширением различного рода нормативно-правовых и фактических ограничений свободы проявления позиций тех или иных социальных групп (критиков религиозного контекста государственной деятельности, ЛГБТ-сообществ и т. п.) постепенно усиливается энергетическое поле современных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках базовой части государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № 1127 «Правовые и социально-политические аспекты гражданской активности в современной России».

© Исаева Е. А., 2015

© Соколов А. В., 2015

© Тарусина Н. Н., 2015

институтов гражданского общества, активность российских граждан в вопросах, затрагивающих как их непосредственные жизненные интересы, так и фундаментальные идеи прав и свобод. Рассмотрим некоторые характеристики данного процесса.

Для современного российского общества в первую очередь характерен запрос на правовое и фактическое (до известных пределов) равенство, идеи правовой защищенности и социальной справедливости. Остальные идеи демократического «пакета» (право на выборы в органы власти, независимые медиа, наличие политической оппозиции и т. п.) менее актуализированы. Деактуализация указанных аспектов демократии частично объясняется тем, что большинство россиян не видят особых препятствий для свободного выражения своих политических и иных взглядов (свыше 80 % респондентов оценивают свои возможности в этом вопросе на «хорошо» и «удовлетворительно» [2, с. 266–268]. Некоторое снижение интереса к выборным процедурам объясняется «последевкусием» последних выборных кампаний; недоверчивое отношение к системной оппозиции – ее восприятием как части правящей элиты; настороженность к несистемной оппозиции – ее пугающей многоликостью, разобщенностью, а нередко и агрессивностью по отношению к оппонентам.

Феномен гражданской активности связан с развитием институтов гражданского общества, которые прошли долгий процесс становления и на данный момент проявляются в разнообразных формах. Таковыми выступают общественные движения и некоммерческие организации, инициативные группы гражданских активистов, протестные движения, экспертные общественные комиссии, общественные комитеты, союзы, самостоятельная деятельность граждан по реализации своих гражданских прав, решению общественных проблем [3]. Новейшими факторами, значительно корректирующими качество и количество гражданской активности, являются специфические характеристики политической и экономической ситуации в России, изменение окраски ее внешнеполитических контактов. Однако ни процессы означенной деактуализации, ни трудности новейшего времени гражданскую активность не отменяют и, надеемся, отменить не смогут: механизмы перевода частных и групповых интересов на язык общественных проблем, понуждения власти исполнять свои

прямые обязанности запущены, хотя и не набрали необходимых оборотов.

Так, результаты исследования гражданской активности в российских регионах за последние два года демонстрируют ее определенное динамичное развитие: на рост последней указали 50 % опрошенных. При этом наблюдается существенная региональная дифференциация: показатель динамики гражданской активности колеблется от «2,8» пункта (Ульяновская область) до «–1» (Республика Башкортостан) при общероссийском «0,77». Гражданская активность в основном проявляется в протестных акциях (32,4 %), участии в социально значимых общественных мероприятиях и программах (31,5 %), увеличении числа общественных организаций (и участников в них) по контролю за органами власти, иных некоммерческих организаций (15,3 %), росте числа и результативности инициативных групп – экологических, антикоррупционных и т. п. (14,4 %), политической (избирательной) активности (10,8 %), гражданской активности в сети Интернет (10,8 %). В то же время динамика приведенных показателей не означает константы очевидного успеха, а лишь демонстрирует некую положительную тенденцию. Инициативность и активность граждан в целом и в абсолютном измерении пока еще не развились в качество доминирующих ресурсов гражданского общества – на это обращают внимание две трети опрошенных экспертов. Нами зафиксирована и другая во многом связанная с этим проблема – разобщенность институтов гражданского общества и гражданских активистов (44,1 % респондентов). Действию данного фактора способствуют сложности коммуникации в гражданских движениях (20,5 %), противоречивость позиции органов власти в отношении рассматриваемых институтов (38,9 %) – вплоть до явного противодействия со стороны данных органов (31 %). Весьма значим также фактор ограниченности ресурсов субъектов общественных движений. Причем очевидной прямой корреляции между всеми указанными факторами не просматривается. Так, например, значительный недостаток ресурсов фиксируется в Ульяновской области и в Республике Башкортостан, которые находятся, как мы отмечали ранее, на противоположных полюсах показателей гражданской активности. При этом и в том и в другом регионе разобщенность институтов гражданского общества не столь глубока, как, например, в Воронежской

области (с высоким показателем гражданской активности (1,45), хотя и существенно меньшим, чем в Ульяновской области, но значительно большим, чем в указанной республике). В ряде регионов наблюдаются системные сложности. Например, для Ярославской области (индекс активности выше, чем в Воронежской области) характерны и разобщенность институтов гражданского общества (76,9 % экспертов), и недостаточные ресурсообеспеченность и коммуникации (38,5 %). Выбор формы организации граждан не является главным критерием выбора средств выражения интересов: с одной стороны, наиболее активны официально зарегистрированные объединения (34,1 %), что свидетельствует о достаточно высокой степени институализации гражданского общества, с другой стороны, неформальные объединения также проявляют заметную активность (28,8 %). Коалиции тех и других (16,8 %) менее динамичны и результативны, однако нередко неизбежны, так как те или иные мероприятия или проекты могут быть реализованы только официальными организациями. Эксперты отмечают, что вектор гражданской активности ориентируется в основном на решение актуальных социальных проблем (64,8 %), формирование общественного мнения (57,3 %) и на процесс принятия решения органами власти (54,2 %). Среди других целей можно выделить стимулирование самой гражданской активности (37 %) и «возращивание» новых лидеров (23,8 %).

Анализ востребованности новых форм гражданской активности показывает, что наиболее популярны краткосрочные и незатратные акции: активность в сети Интернет (21,6 %) в виде публикаций и голосования в социальных сетях, флэш-моб (12,4 %), которая, впрочем, также базируется на сети Интернет. Причем интернетактивность в рассматриваемом контексте по регионам весьма неоднородна: ее уровень колеблется от 2,55 пункта в Республике Адыгея до 7,67 пунктов в Ульяновской области, а, например, в Ярославской области данный показатель совпадает с общероссийским – 5,75 пунктов. Интернет становится популярным инструментом гражданской активности не только в связи с его доступностью, но и потому, что он реально влияет на процесс принятия решений органами власти (49,3 % респондентов) через привлечение внимания блогеров и СМИ, актуализирует социальные проблемы (42,4 %) и активизирует общественность в широком диапазоне

социальных групп (31,8%). Соответственно, более традиционные формы активности, например пикеты, становятся менее популярными (10,3 % респондентов). Менее популярны и те из новых форм гражданской активности, которые требуют больших организационных затрат и профессионализма участников – публичные обсуждения проблем, дискуссионные площадки, круглые столы, форумы, семинары, тренинги и т. п. (8,2 %). Разумеется, при поддержке органов власти их популярность и результативность существенно повышается. Так, например, обстоит дело с бесплатными юридическими консультациями (днями бесплатной юридической помощи), проводимыми региональными отделениями Ассоциации юристов России, в частности и в Ярославской области.

К наиболее актуальным аспектам гражданской активности относится общественный контроль. В России нормативно закреплены и действуют различные диалоговые площадки (общественные палаты, советы и т. п.), на которых реализуются общественные полномочия по экспертизе, участию в формировании независимой оценки качества работы тех или иных учреждений, организуются публичные слушания по актуальным проблемам развития территории. При этом создание федеральной нормативной базы, предусматривающей регламентацию механизмов указанного контроля, началось сравнительно недавно. Так, в 2014-м году принят ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Данный нормативно-правовой акт является рамочным, не содержит конкретных механизмов общественно-контрольной деятельности и во многом повторяет возможности, уже предусмотренные специализированными законами (например, ФЗ «Об общественной палате Российской Федерации»). В то же время в нем констатируется государственное признание ценности рассматриваемого вида гражданской активности и предоставляется возможность субъектам РФ творчески конкретизировать идеи о тех или иных композициях общественного контроля в региональном законодательстве, а также понуждает должностных лиц относиться к ним если не с энтузиазмом, то хотя бы терпимо.

Как показывает анализ проведенного в Ярославской области социологического исследования общественно-контрольной активности, до 85 % руководителей общественных объединений оценивают последнюю положительно, а 40 % – участвуют

в ней. Наиболее востребованными формами являются общественные слушания, мониторинг, публичные отчеты руководителей государственных и муниципальных структур, общественные обсуждения и экспертиза. Менее востребованы общественные проверки и расследования. При этом приходится констатировать, что нормативное закрепление, поощрение данного вида гражданской активности пока еще не дает желаемого результата: публичные слушания по бюджету не привлекают явного и массового общественного внимания, экспертиза нормативных актов слабо востребована, портал Народного правительства региона, созданный для обсуждения важнейших аспектов регионального развития, не проецирует значительной энергетики гражданских активистов. Это обусловлено и закономерностями инерции, и недостаточной мотивацией, и отсутствием необходимого и достаточного практического опыта гражданского общества.

Актуальным и специфическим контекстом гражданской активности является гендерный фактор. Он рассматривается в качестве социального конструкта, несущего в себе акценты феминности, маскулинности и нетрадиционной сексуальной ориентации. Зафиксируем внимание на типичных, выявленных социологией и юриспруденцией особенностях гражданской активности субъектов указанного типа, специфических российских факторах, «агентах влияния» на ее количество и качество.

Несмотря на то что акценты и векторы гендерных идей и социальных практик постоянно эволюционируют, в том числе и на российском «поле для игры в гендер», базовые предпосылки являются вполне аксиоматичными: 1) равенство и неравенство – парные конструкции, взаимодействие которых отнюдь не предполагает константу положительного смысла первой и отрицательного – второй; неравенство несправедливо, так как мужчины и женщины, гетеросексуалы и нетрадиционалисты должны иметь равные права; неравенство справедливо, так как позволяет дифференцированно и адресно компенсировать социальные затраты людей с различными гендерными характеристиками; 2) для хотя бы относительной гармонизации этого противоречия государство и общество прибегают к технологиям предоставления дополнительных гарантий, преимуществ, позитивной дискриминации и гендерной нейтрализации.

Однако анализ социальных практик в контексте гендера пока не позволяет сделать достаточно утешительные выводы относительно указанной гармонизации. Так, с одной стороны, гражданская активность субъектов-женщин придает в целом заметную и особенную окраску жизнедеятельности институтов гражданского общества. С другой стороны, статистические пропорции представительства женщин и мужчин в общественной и политической деятельности, а также качественные характеристики (скорее традиционные, нежели инновационные) участия первых в формальных и неформальных объединениях, проектах, краткосрочных акциях вынуждают констатировать противоречивое отношение власти к проблеме и существенную дифференцированность гражданской активности женщин – в смысле ее энергичности, разнообразия и успешности. Ее количество и качество являются типичным образцом «гендерного порядка» российского общества. Даже в настоящее время мужское начало безусловным образом преобладает в российских политических играх. Разумеется, это объяснялось и объясняется патриархальным контекстом истории взаимоотношений полов, тем, что, несмотря на предоставленную возможность конкурировать с мужчинами, женщины, как правило, делают это на условиях, мужчинами уже созданных, «мимикрируя» на их территории [4].

То, что российский политический менеджмент остается в основном маскулинным, – очевидный факт, хотя в последние годы женщины и начинают занимать ключевые или значимые посты. Несмотря на положительную практику ряда европейских стран и позицию ООН, данная идея продолжает лишь вяло дискутироваться и встречает противодействие [5]. С одной стороны, это, казалось бы, должно повышать гражданскую активность, в том числе политическую, российских женщин – с целью оптимизации представительства их интересов, а через них – интересов социального порядка, то есть охраны и защиты семейных ценностей, родительства, детства, социального обеспечения пожилых людей и т. п. С другой стороны, коль скоро гендерная опора в органах власти и управления недостаточна, формы, ресурсы и коммуникации гражданской активности женщин не получают необходимой энергетической подпитки. Как известно, возрастающая роль в общественной и политической

активности принадлежит общественным палатам городов и регионов (субъектов РФ). Членство в них женщин колеблется от 20 до 52 %. Например, в Общественной палате Владимирской области этот показатель – 52 %, Чеченской Республике и Московской области – 20 %, Ярославской области – 28 %. Федеральная Общественная палата находится по данной характеристике на нижней границе – 21 %. Общественные палаты регионов России возглавляет 19 женщин (около 22 %). Несмотря на декларацию принципа равных возможностей участия женщин и мужчин в политической деятельности, провозглашенного в норме ст. 8 Федерального закона «О политических партиях», данные объединения явно продолжают следовать сложившейся традиции: гендерного квотирования нет, правила о гендерной очередности в списках кандидатов в депутаты от партии отсутствуют [6].

Анализ гражданских и политических позиций российских мужчин и женщин позволяет констатировать разнообразные «гендерные разрывы» между ними. Так, с одной стороны, уровень электоральной активности женщин несколько выше, чем у мужчин, – от 4 до 10 % на выборах различного уровня; по готовности же участвовать в качестве избирателей в будущих выборах разница достигает 14 %. Женщины чаще голосуют за партию власти. Однако, с другой стороны, политикой они интересуются в 1,5 раза меньше мужчин. Женщины менее активно участвуют (до 10–12 %) в протестных политических акциях и т. п. Например, гендерный состав массового митинга «За честные выборы» – соответственно 40 и 60 % [7]. В некоммерческих организациях социальной направленности женский фактор традиционно является значимым. В различного рода комиссиях и советах по вопросам социальной политики при региональных и муниципальных структурах женское представительство также доминирует. Впрочем, встречаются и иные примеры. Так, в Ярославской области в объединении граждан с ограничениями по зрению лидирующие позиции занимают мужчины. В рассматриваемом контексте можно высказать предположение о том, что более высокая степень ресурсообеспеченности той или иной общественной структуры влияет на соответствующие гендерные пропорции.

Определенное воздействие на характеристики женской гражданской активности оказывают:

пропагандирование идей о возвращении к традиционной женственности, теории женского предназначения, взаимодополнительности женского и мужского начал (значительная роль в этом принадлежит религиозным организациям), позиционирование социальной поддержки женщины как существа более слабого, чем мужчина, дискредитация образа женщины-феминистки и т. п. Тем не менее исследования в целом подтверждают: женский акцент гражданской активности усиливается – есть надежда, что патриархатный вектор постепенно будет преодолен.

Другой акцент гендерного присутствия в общественных движениях и их гендерных характеристик пока не является столь явным и масштабным для российской социальной практики: на гендерном поле заметны лишь их «искры», намекающие на возможность возгорания из них некоего «пламени», часть из которых, впрочем, гасится либо пассивным государственным наблюдением, либо нормативно-правовыми и фактическими ограничениями. Аналитики-социологи, обобщающие ЛГБТ-движение изнутри, отмечают несколько его российских характеристик. Так, субстанция сообщества не вполне структурирована – она представляет собой весьма размытую в своих границах группу людей, чья сексуальная ориентация (поведение, образ жизни) не вписывается в рамки традиционной гетеронормативной модели; значительная часть этой группы идентифицирует себя скорее в латентной, нежели открытой, форме; соответствующее движение предпринимает попытки по обеспечению прав сексменьшинств, устранению гетеросексизма, гетеронормативности, гомофобии и трансфобии [8, с. 91–92; 9, с. 84–104].

Российскому ЛГБТ-активизму – около 25 лет. На первом этапе оно «счастливым покинуло уголовно-правовое поле», но почти не породило ни системных исследований (кроме работ И. Кона), ни системных практик. «Вторая волна», с конца 1990-х годов, характеризуется как Интернет-активизм, поскольку основная деятельность сообщества сводилась к формированию сетевого ЛГБТ-дискурса. «Третья волна» зародилась в конце 2005 – начале 2006 года и проявляется в более активных действиях в реальном, а не виртуальном мире, начав с проекта гей-парада в Москве и продолжив ее осуществлением немассовых уличных акций [8, с. 100]. При этом формализация и систематизация перечислен-

ных форм активности в целом характерна только для крупных российских городов (Москва, Санкт-Петербург и др.). В российской провинции она, как правило, имеет либо латентный характер, либо отсутствует вовсе. Например, в Ярославской области из 2500 некоммерческих организаций не зарегистрировано ни одного объединения рассматриваемого типа. В задачи клубов, формальных и неформальных объединений входят: образование и информирование активистов, лоббирование идеологического смягчения позиции власти, формирование толерантного общественного мнения, противостояние нормативным ограничениям, а в семейной сфере – продвижение идеи равенства в институтах брака, родительства и усыновления. Последняя задача достаточно далека от решения. Однако ее позиционирование вышло из подполья, осуществляется, с пока незначительным накалом дискуссионности, в пространстве доктрины семейного права и имеет некоторое, пусть и незначительное, число сторонников в юриспруденции (об этом весьма подробно мы уже писали в своих работах последних лет [10, с. 117–198; 11, с. 48–52]).

Следует также отметить все усиливающееся идеологическое и практическое противодействие данной разновидности гражданской активности со стороны формальных и неформальных религиозных объединений как в относительно толерантной, так и в агрессивной форме. Впрочем, необходимо также констатировать, что религия и ее разнообразные институты приобретают все больший вес в публичном пространстве в целом, играя значимую роль в формировании общественного мнения и народной воли, используя при этом все формы включенного участия в общественной жизни – от Интернетактивности, тренингов, пикетов до протестных акций [12]. Светские и клерикальные контексты гражданской активности мутируют и пересекаются, обостряются до конфликтности, сглаживаются при помощи диалоговых механизмов, придают особенный колорит российскому общественному бытию.

В заключение можем констатировать, что индекс и качество гражданской активности российского общества, несмотря на определенные факторы сдерживания, улучшаются, и прежде всего в контексте обогащения и дифференциации ее форм, постепенного повышения интереса к общественно-контрольной деятельности,

(к сожалению, еще более постепенного) гендерных противоречий и непонимания, развития нормативно-правовой базы. Надеемся, что предпосылки для относительно благоприятного прогноза в этой области социальных отношений вызревают.

Ссылки

1. The Democracy Index 2014. URL: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy0115 (Дата обращения: 20.02.2015).
2. Петухов В. В. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты // Россия реформирующаяся. 2012. № 11. С. 264–288.
3. Региональные аспекты гражданской активности в современной России: (на примере Ярославской области): монография / Е. А. Исаева, И. С. Маклашин, А. В. Соколов, А. А. Фролов. М.: Проспект, 2015. 216 с.
4. Bryson V. Gender and the Politics of Time: Feminist Theory and Contemporary Debates // Policy Press, Bristol, 2007. ISBN-10: 1861347499. 222 p.
5. Nadezhda N. Tarusina and Elena A. Isaeva. Gender Tendency of Russian Political Activity from the Perspective of Jurisprudence // American Journal of Applied Sciences. 2014. 11(12). P. 1976–1979.
6. Тарусина Н. Н., Исаева Е. А. О политической активности российских женщин // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 138–142.
7. Дифференциация гражданских и политических практик в России: институциональная перспектива // Научно-аналитический доклад / Институт социологии РАН. М., 2013. С. 69–82.
8. Созаев В. ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере // Гендерные исследования. 2010. № 20–21. С. 90–126.
9. Кондаков А. Правовые раны: значение прав человека для геев и лесбиянок в России // Laboratorium. 2012. 4(3). С. 84–104.
10. Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.
11. Тарусина Н. Н. О новом концепте брака, или «пятой колонне» в брачном пространстве // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 48–52.
12. Мчедлова М. М. Религиозные смыслы в современной России: общество и политика // Россия реформирующаяся. 2012 № 11. С. 403–418.